

РОССИЯ И АФРИКА

RUSSIA AND AFRICA

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-931-944

EDN: FQTNWB

Научная статья / Research article

Форматы сетевой дипломатии России в Африке

В.И. Булва

Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ va.i.bulva@my.mgimo.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли новых форматов дипломатического взаимодействия с учетом углубляющегося сотрудничества России и Африки, новых тенденций в сфере международных отношений (таких как повышение вовлеченности в сотрудничество со стороны представителей многосторонних объединений и неправительственных сторон, секьюритизация новых отраслей мировой политики). Цель исследования — показать, каким образом инструменты сетевой дипломатии России могут быть использованы для укрепления партнерства Российской Федерации и африканских государств на различных направлениях — политическом, экономическом и гуманитарном. При этом автором подчеркивается, что форматы сетевой дипломатии как глобального (БРИКС, «Группа двадцати»), так и регионального (экономический и гуманитарный форум «Россия — Африка», тематические рабочие группы и в перспективе — форматы по урегулированию военно-политических конфликтов) уровней могут выступать только в качестве вспомогательных треков, не подменяя традиционные каналы дипломатии (саммиты, министерские встречи и оперативные дипломатические контакты). При подготовке работы полезными оказались работы российских и зарубежных экспертов, раскрывающие теоретические основы сетевой дипломатии (Морозов, Лебедева, Бурганова, Метцль, Слотер и др.), а также посвященные анализу позиций Африки в системе международных отношений (Харберсон, Ротшильд, Кортунов и др.). Исследование выполнялось с опорой на структурно-системный и историко-сравнительный методы исследования. Уникальность статьи состоит в том, что по результатам исследования автор оценивает перспективы развития действующих форматов сетевой дипломатии с учетом стратегических внешнеполитических приоритетов России в Африке, а также предлагает пути развития новых форматов сетевого взаимодействия, которые способствовали

© Булва В.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

бы разрешению ключевых военно-политических и социально-экономических проблем региона.

Ключевые слова: сетевая дипломатия, БРИКС, «Группа двадцати», экономический и гуманитарный форум «Россия-Африка»

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Булва В.И. Форматы сетевой дипломатии России в Африке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 931–944. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-931-944>

Formats of Russia's Network Diplomacy in Africa

Valeriia I. Bulva

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, *Moscow, Russian Federation*

✉ va.i.bulva@my.mgimo.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the need to rethink the role of new formats of diplomatic interaction considering the deepening cooperation between Russia and Africa, new trends in international relations (such as increased involvement in cooperation of representatives of multilateral associations and non-governmental actors, securitization of new sectors of world politics). The purpose of this article is to show how the tools of Russia's network diplomacy can be used to strengthen partnerships between the Russian Federation and African states in various areas — political, economic and humanitarian. At the same time, the author emphasizes that the formats of network diplomacy at both the global (BRICS, G20) and regional (Russia — Africa Economic and Humanitarian Forum, thematic working groups and, in the future, formats for the settlement of military-political conflicts) levels can act only as auxiliary tracks, without replacing traditional channels of diplomacy (summits, ministerial meetings and working diplomatic contacts). The works of Russian and foreign experts revealing the theoretical foundations of network diplomacy (Morozov, Lebedeva, Burganova, Metzl, Slaughter, etc.) as well as those devoted to the analysis of Africa's positions in the system of international relations (Harberson, Rothschild, Kortunov, etc.) were useful for the current study. It was carried out based on structural-systemic and historical-comparative research methods. The uniqueness of the article lies in the fact that the author assesses the prospects for the development of existing formats of network diplomacy taking into account Russia's strategic foreign policy priorities in Africa and suggests ways to develop new formats of network interaction that would contribute to the resolution of key military-political and socio-economic problems of the region.

Keywords: network diplomacy, BRICS, G20, Russia-Africa Economic and Humanitarian Forum

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Bulva, V.I. (2025). Formats of Russia's Network Diplomacy in Africa. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 931–944. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-931-944>

Введение

После распада Советского Союза и с началом процесса становления внешнеполитического курса «новой России» в начале 1990-х гг. наблюдалось снижение интереса Российской Федерации к Африканскому региону, сопровождавшееся постепенным понижением уровня политических и экономических связей между Россией и государствами Африки — традиционными партнерами СССР в годы холодной войны. Эта тенденция носила устойчивый долгосрочный характер. Об этом, в частности, свидетельствует то, что в первом внешнеполитическом документе стратегического планирования — Концепции внешней политики 1993 г. Африка относилась к «другим региональным направлениям»¹ в системе приоритетов отечественной дипломатии. В аналогичных концепциях 2000² и 2008³ гг. Африка занимала предпоследнее место, опережая лишь страны Латинской Америки и Карибского бассейна, а в 2013⁴ и 2016⁵ гг. уступила и им, замкнув иерархию региональных приоритетов.

Ситуация начала кардинально меняться в середине 2010-х гг., когда окончательно проявилась тенденция по формированию многополярного мира. В этих условиях ключевой стратегической задачей дипломатии России стало содействие укреплению основ такого миропорядка, а Африка рассматривалась как один из влиятельных центров мирового развития в нем. На официальном уровне данное стратегическое видение нашло отражение в обновленной Концепции внешней политики 2023 г., где Африка в системе региональных приоритетов следовала за Исламским миром, впереди региона Латинской Америки и Карибского бассейна, Европы, США и других англосаксонских государств⁶. Кроме того, расширился и круг задач внешней политики России на данном направлении. Если ранее в документах акцент делался только на укреплении «разнопланового взаимодействия на двусторонней и многосторонней основе», то в п. 57 КВП 2023 г. были выделены принципы (прежде всего уважение суверенитета), конкретные сферы (политика, экономика и гуманитарный трек) и площадки (двусторонний уровень, взаимодействие с Африканским союзом и субрегиональными организациями, интеграционными объединениями, деятельность Форума партнерства «Россия — Африка») сотрудничества.

¹ Концепция внешней политики России от 1993 г. // Дипломатический вестник. Специальный выпуск (Январь 1993 г.).

² Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 23.01.2025).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации от 2008 г. // Президент России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 23.01.2025).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г. // Президент России : официальный сайт. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf> (дата обращения: 23.01.2025).

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации от 2016 г. // Президент России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 23.01.2025).

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. // МИД России : официальный сайт. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 23.01.2025).

Данная тенденция обуславливает актуальность определения наиболее перспективных областей сотрудничества России и Африки с учетом пересекающихся интересов стран и специфики развития региона. Не менее востребованным становится поиск новых инструментов укрепления связей России с государствами Африканского континента, которые дополнили бы традиционное дипломатическое взаимодействие. Исходя из этого, цель настоящего исследования — показать, каким образом различные форматы сетевой дипломатии России — одного из новых инструментов дипломатии — могут быть использованы для развития партнерских отношений России и Африки.

Теоретико-методологические основы исследования

С учетом вышеобозначенной проблематики при подготовке статьи было проанализировано два блока теоретических исследований, прежде всего, политологического характера, а также некоторые научные труды исторической направленности. Такой мультидисциплинарный подход позволил автору не просто описать текущие тенденции развития отечественной сетевой дипломатии в Африке, в том числе связав с глобальными тенденциями развития этой формы дипломатии с опорой на системно-структурный метод исследования, но и проследить эволюцию изменений внешнеполитического курса России в регионе с применением сравнительно-исторического метода.

Первый крупный блок исследований включает труды по африканской тематике. Длительное время в центре поля зрения западных исследователей находилось изучение места Африки в мировой политике [Harbeson, Rothchild 1991; Martin 2002; Haug, Braveboy-Wagner; Maihold 2021]. Данная проблема сохраняет актуальность по сей день, учитывая возрастающую экономическую мощь региона⁷, присоединение Африки к «Группе двадцати»⁸. Появляются работы, направленные на изучение региона в целом — особенностей политических и социально-экономических систем африканских государств⁹, проблем Африки [Nachum et al. 2023] (угрозе неокOLONIALИЗМА, региональным конфликтам, вызовам, связанным с низким уровнем развития, таким как политическая нестабильность и неустойчивость институтов власти, бедность, эпидемии и т.д.)¹⁰. Ряд исследований ориентированы на изучение отношений России и Африки.

⁷ Goldstone J.A., May J.F. The Global Economy's Future Depends on Africa. 2023. Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/africa/global-economy-future-depends-africa#> (accessed: 23.01.2025).

⁸ Signé L. Coulibaly B.S. Africa's Seat at the Table Why the G-20 Needs the African Union. 2023. Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/africa/africas-seat-table> (accessed: 23.01.2025).

⁹ Foresight for Africa. 2024. Top priorities for the continent in 2024. Brookings, 2023. 188 p.

¹⁰ Африка — Россия+: достижения, проблемы, перспективы: совместный доклад Российского совета по международным делам (РСМД) и СОЮЗА «Африканская деловая инициатива» (АДИ) Доклад № 53. 2020 / А.В. Картунов, Н.Г. Цайзер, Е.В. Харитонов, Г.А. Кочофа, Д.П. Ежов, Л.Е. Чкония; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва : НП РСМД, 2020. 60 с. EDN: MNFCFN.

Их количество начало увеличиваться после проведения первого саммита «Россия — Африка» в 2019 г.¹¹, а особое внимание экспертов данная тема привлекла на фоне второго саммита и первого экономического и гуманитарного форума «Россия — Африка», прошедших в 2024 г. [Адрианов, Жучков и др., 2024].

Второй блок охватывает работы, посвященные сетевой дипломатии как таковой, ее особенностям и форматам. При изучении трудов отечественных и зарубежных авторов был сделан вывод о наличии двух подходов к определению понятия «сетевой дипломатии». В западной литературе акцент делается на полиакторности современной системы международных отношений [Keohane, Nye 1989; Metzl 2001], что требует перераспределения ответственности между государствами и другими акторами мировой политики [Pellerin 2010]. Такая цель может быть достигнута за счет укрепления неформальных институтов, образованных в ходе взаимодействия государств и неправительственных сторон («горизонтальные сети») или на базе наднациональных/супранациональных организаций («вертикальные сети»), которые сегодня приходят на смену традиционным государствам [Slaughter 2017]. Кроме того, западные исследователи большое внимание уделяют ИКТ как драйверу развития сетевого взаимодействия, а сетевую дипломатию ассоциируют с взаимодействием через соцсети [Castells 2009, Manulak 2019, Zaharna 2005, Cooper Ramo 2016]. Не отрицая важность цифровых технологий в развитии сетевой дипломатии, автор считает некорректным отождествлять понятия сетевой и цифровой дипломатии.

В российской школе под сетевой дипломатией подразумевается форма многосторонней дипломатии, характеризующаяся открытостью, отсутствием жесткой иерархии [Лебедева, Морозов, Шебалина 2019; Колосова 2014] и формализованных институтов [Бурганова 2016, Воронцова 2017]. Подчеркивается, что ключевая роль в принятии решений сохраняется за государствами, а другие акторы выполняют совещательные функции [Кунина 2022]. В данном исследовании сетевая дипломатия будет рассматриваться именно в таком контексте. При этом будем исходить из того, что существуют различные форматы сетевой дипломатии — многопрофильные площадки для сотрудничества по политическим, экономическим и гуманитарным вопросам, а также рабочие группы и узкие форматы, создаваемые для решения конкретной проблемы, как правило, в сфере безопасности (для содействия урегулированию конфликта или противодействия новым вызовам и угрозам).

Вместе с тем в отечественной научной литературе не хватает актуализированных исследований в сфере сетевой дипломатии. Малоизученными остается работа разных форматов сетевой дипломатии по укреплению связей России и африканских государств на глобальных площадках сетевого взаимодействия

¹¹ Западные и незападные акторы в обеспечении безопасности в Африке: доклад № 89. 2023. А.Р. Андропова, Т.С. Богдасарова, С.А. Бокерия и др.; под ред. Е.О. Карпинской, Т.С. Богдасаровой, С.М. Гавриловой. Российский совет по международным делам (РСМД). Москва : НП РСМД, 2023. 72 с. EDN: ARMKWR.

(БРИКС и «Группа двадцати»). Важность представляет и изучение специфики сетевого сотрудничества в рамках форума «Россия — Африка», вспомогательных диалоговых структур и площадок. Кроме того, целесообразным было бы определение перспектив развития иных форматов сетевой дипломатии России (узкопрофильных рабочих групп и форматов по урегулированию конфликтов) на африканском направлении.

Форматы сетевого сотрудничества России и Африки — новые горизонты дипломатии

Традиционно в налаживании диалога России со странами Африканского континента ведущую роль играют механизмы классического дипломатического взаимодействия на политико-дипломатическом треке — саммит «Россия — Африка», двусторонние контакты на высшем, высоком и оперативном уровнях, сотрудничество на многосторонних площадках по дипломатическим каналам (т.е. по линии официальных представителей соответствующих многосторонних структур). Вместе с тем по мере повышения значимости Африки для России возрастает актуальность поиска вспомогательных инструментов укрепления диалога с государствами данного региона, которые позволили бы привлечь другие заинтересованные стороны из неправительственного сектора, не создавая дополнительной бюрократической нагрузки. Оптимальными механизмами в данной связи могли бы выступить форматы сетевой дипломатии, не требующие формирования формализованных институтов для поддержания связей на постоянной основе.

Востребованность развития форматов отечественной сетевой дипломатии в Африке связана и с особенностями внешнеполитической стратегии Российской Федерации. Прежде всего, как следует из КВП 2023 г., Африка рассматривается Россией как единый континент, и поэтому большое значение отводится сотрудничеству с многосторонними площадками — Африканским союзом, объединяющим все страны региона, а также субрегиональными организациями и интеграционными объединениями¹². Кроме того, в силу слаборазвитой степени политико-дипломатического взаимодействия, сохранения ряда чувствительных сфер и отсутствия опыта контактов в отдельных сферах между Россией и некоторыми африканскими странами требуется поиск более гибких механизмов, которые закладывали бы почву для дальнейшего проникновения России в регион. Речь идет, в первую очередь, об экономическом и гуманитарном треках, где особую роль играет практикоориентированное взаимодействие бизнеса, научного сообщества и представителей гражданского общества.

Преимущество сетевой дипломатии состоит в том, что ее форматы позволяют расширить число акторов, одновременно выстраивать взаимодействие

¹² Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. // МИД России : официальный сайт. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 23.01.2025).

с участием правительств, членов многосторонних объединений и неправительственных сторон. Это происходит за счет создания диалоговых площадок и структур (таких как, экономический и гуманитарный форум «Россия — Африка») и узкопрофильных рабочих групп, в том числе с опорой на потенциал существующих многосторонних структур. Так, использование инструментов сетевой дипломатии позволяет создать условия для решения проблемы недостаточного присутствия России в отдельных африканских государствах и укрепления имиджа Российской Федерации в регионе. Большое значение имеет то, что при таком подходе сохраняется взаимосвязь стратегического (политико-дипломатического) и оперативного уровня взаимодействия. В политологии на важность взаимосвязи различных уровней принятия решений в сфере внешней политики впервые обратил внимание Р. Патнэм — автор концепции «двухуровневой игры» [Putnam 1988].

Вместе с тем развитие форматов сетевого сотрудничества отвечает интересам самих африканских стран. Наибольшую потребность в этом испытывают государства, в которых наблюдается нехватка собственных ресурсов для поддержания на регулярной основе политико-дипломатических контактов, но заинтересованных в расширении экономических, гуманитарных и иных связей с Россией. Таким образом, происходит постепенное налаживание отношений «снизу» по линии многосторонних объединений и неправительственных структур, что служит подспорьем классической дипломатии и создает предпосылки для интенсификации многопланового сотрудничества России и Африки в будущем.

Площадки сетевой дипломатии России в Африке

Форматы сетевой дипломатии России, используемые на африканском направлении, условно можно разделить на два типа — глобальные площадки (БРИКС и «Группа двадцати») и специально созданный для развития регионального сотрудничества форум партнерства «Россия — Африка».

БРИКС

Важную роль в развитии сотрудничества между Россией и Африкой в рамках БРИКС играет ЮАР — государство, присоединившееся к объединению в статусе полноправного члена в 2011 г. Уже в 2011 г. на встрече глав пяти государств активно обсуждались вопросы содействия реализации инфраструктурных проектов в Африканском регионе¹³, в том числе была поддержана инициатива НЕПАД по индустриализации региона [Шубин, 2015]. Во время первого председательства ЮАР в 2013 г. на саммит в Дурбан были приглашены представители Африканского союза и 8 интеграционных

¹³ Саньянская декларация БРИКС // Документы саммитов БРИКС. 2011. URL: <https://ocds-brics.org/sammit-i-dokumenty> (дата обращения: 23.01.2025).

объединений Африки, что заложило основу для создания нового формата взаимодействия с внешними партнерами — «БРИКС-аутрич» [Лагутина, 2022, с. 75]. Кроме того, в 2013 г. впервые в политическую повестку БРИКС были включены задачи проблемы урегулирования кризисов на Африканском континенте — в Мали, ДРК и ЦАР, а также политической нестабильности в Сахеле и районе Гвинейского залива¹⁴.

Беспрецедентным с точки зрения продвижения интересов Африки на площадке БРИКС стал 2023 г. — год третьего председательства ЮАР (после 2013 и 2018 гг.). Ключевым достижением стало принятие решения о расширении структуры за счет 6 государств, два из которых (Египет и Эфиопия) представляют Африку¹⁵. Значимым положением итоговой II Йоханнесбургской декларации стало закрепление задачи по содействию укреплению роли Глобального юга в международных отношениях, в том числе в институтах глобального управления (ООН и валютно-финансовые институты — МВФ и Группа Всемирного банка)¹⁶.

Сотрудничество России и Африки на площадке БРИКС не просто отвечает обоюдным интересам сторон в углублении кооперации по многочисленным политическим, экономическим и гуманитарным вопросам, но и соответствует стратегическому видению глобального миропорядка, которого придерживаются как Российская Федерация, так и страны Африки — формирующегося центра влияния. В частности, стороны объединяет стремление к поддержанию основ полицентричного мира, основанного на принципах суверенитета, равноправного сотрудничества государств, политического и экономического плюрализма, культурно-цивилизационного многообразия. В этой связи для африканских государств БРИКС могла бы стать площадкой для усиления своих позиций в мировых делах (включая повышение репрезентативности в институтах системы ООН), в процессе принятия решений по вопросам глобальной повестки, а для России — площадкой для согласования интересов и координации позиций, что обеспечивало бы дополнительную поддержку российских глобальных инициатив, а также выработку коллективных инициатив и их последующее продвижение на мировой арене.

«Группа двадцати»

«Группа двадцати» (G20) для России и африканских государств (помимо ЮАР участником Группы с 2023 г. является Африканский союз), так же как и БРИКС, выступает в качестве инструмента укрепления основ многополярного миропорядка. Однако в отличие от БРИКС в данном формате больший акцент

¹⁴ Этеквинская декларация БРИКС // Документы саммитов БРИКС. 2013. URL: <https://ocds-brics.org/sammit-i-dokumenty> (дата обращения: 23.01.2025).

¹⁵ После смены политического руководства Аргентина отказалась от членства. Саудовская Аравия в 2024 г. не завершила процесс присоединения.

¹⁶ II Йоханнесбургская декларация БРИКС // Документы саммитов БРИКС. 2023. URL: <https://ocds-brics.org/wp-content/uploads/2023/08/doc-20230825-wa0119.pdf> (accessed: 23.01.2025).

делается на экономической составляющей. Изначально созданная как механизм антикризисного регулирования в ответ на Азиатский финансовый кризис 1998–1999 гг., развитие «Группы двадцати» получило дополнительный импульс на фоне глобального экономического кризиса 2008 г., когда впервые состоялся саммит участников [Hajnal 2014]¹⁷. Сегодня Группа представляет особый интерес для государств с развивающейся экономикой — стран Глобального Юга — стремящихся к повышению своей представленности в мировых экономических и валютно-финансовых институтах и участия в выработке и принятии решений по финансово-экономическим вопросам.

В 2025 г. впервые функции председателя в G20 будет осуществлять африканское государство — ЮАР¹⁸. Поскольку четвертый год подряд председательство переходит к государству развивающегося мира (2022 г. — Индонезия, 2023 г. — Индия, 2024 г. — Бразилия), особое внимание уделяется вопросам содействия экономическому развитию, преодоления неравенства и реформирования глобальных валютно-финансовых институтов. Следует помнить, что у Группы уже есть опыт успешного согласования реформы Всемирного банка и МВФ. Так, на основании решений встреч в Вашингтоне (2008 г.), Лондоне и Питтсбурге (2009 г.), где были выработаны принципы реформы МВФ и Всемирного банка, в 2010 г. были увеличены квоты развивающихся государств и государств с переходной экономикой во Всемирном банке (на 3,13 %)¹⁹ и 6 % квот перераспределены в их пользу в МВФ²⁰. Тем не менее в дальнейшем существенного прогресса на данном направлении достичь не удалось ввиду сохранения противоречий между развитыми государствами и Глобальным Югом.

Несмотря на сложную геополитическую обстановку, оказывающую влияние и на работу «Группы двадцати», Россия продолжает полноценную деятельность в данном формате. Опираясь на поддержку развивающихся стран, она стремится не допустить политизации повестки данного механизма. В 2025 г. планируется, что диалог участников будет сосредоточен вокруг таких вопросов, как содействие инклюзивному экономическому росту, поддержанию продовольственной безопасности, развитию искусственного интеллекта и инноваций для достижения ЦУР²¹. Для ЮАР важным направлением станет проблема укрепления финансовой и экономической

¹⁷ Hajnal P. The G20: Evolution, Interrelationships, Documentation. Farnham : Ashgate. International Peace Institute. 2014.

¹⁸ В «Группе двадцати» председательство осуществляется «тройкой» — бывшим, нынешним и будущим председателем, в 2025 г. это Бразилия, ЮАР и США.

¹⁹ Пресс-конференция по итогам саммита «Группы двадцати». 2010 // Президент России : официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/8182 (дата обращения: 23.01.2025).

²⁰ Press Release: IMF Board of Governors Adopts Quota and Voice Reforms by Large Margin // International Monetary Fund. 2008. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr0893> (accessed: 23.01.2025).

²¹ G20 Presidency // G20 official website. URL: <https://g20.org/g20-south-africa/g20-presidency/> (accessed: 23.01.2025).

устойчивости стран Африки за счет снижения долговой нагрузки. Такая повестка вписывается в систему приоритетов, обозначенную в 2024 г. Бразилией. При этом могут возникнуть дополнительные трудности в работе «Группы двадцати» на фоне стремления ЮАР (а также входящих в «тройку» председателей США) включить в обсуждение вопросы урегулирования военно-политических кризисов на Украине и Ближнем Востоке.

Экономический и гуманитарный форум «Россия — Африка»

Прорывным моментом в развитии сетевой дипломатии России в Африке стало принятие решения о проведении экономического и гуманитарного форума «Россия — Африка» в дополнение к политическому саммиту²². Впервые форум состоялся в 2023 г., что ознаменовало завершение оформления двуединого механизма партнерства. Значимо то, что оба мероприятия (саммит и форум) прошли одновременно. Такая инициатива позволила повысить оперативность и эффективность практической реализации решений, принятых на политическом уровне [Столков, 2024]. В рамках первого форума прошла серия встреч между представителями бизнеса, СМИ, гражданского общества и научного сообщества в целях налаживания рабочих контактов.

Практическим результатом стало заключение 146 соглашений между российскими и зарубежными компаниями, а также с органами власти государств Африки по экономическим вопросам²³. Подавляющее большинство составили соглашения, ориентированные на содействие преодолению неравенства в странах Африки и укрепление технологического суверенитета стран-подписантов. На гуманитарном треке значительная доля пришлась на договоренности в области науки и образования (51 документ) и научно-технологического сотрудничества (10 документов)²⁴.

Организация форума имела и важную имиджевую составляющую. На его «полях» прошли культурные мероприятия — фестиваль культуры «Петербургские сезоны», молодежные встречи и спортивные состязания, концерты, дни национальной кухни, театральные вечера, показы фильмов и т.д. Цель такой программы заключалась в том, чтобы продемонстрировать культурно-цивилизационное многообразие многополярного мира, закрепить за Россией статус государства — центра продвижения традиционных духовно-нравственных ценностей, а за африканскими партнерами — статус самобытных, самодостаточных государств.

²² Экономический и гуманитарный форум «Россия — Африка» : официальный сайт. URL: <https://summitafrica.ru/> (дата обращения: 23.01.2025).

²³ Итоги второго саммита и экономического и гуманитарного форума Россия — Африка. 2023 // Официальный сайт саммита Россия — Африка. URL: <https://summitafrica.ru/news/podvedeny-itogi-vtorogo-sammita-i-ekonomicheskogo-i-gumanitarnogo-foruma-rossija-afrika/> (дата обращения: 23.01.2025).

²⁴ Там же.

Гуманитарная повестка в рамках партнерства «Россия — Африка» носит не событийный, а системный характер. В дополнение к форуму активно поддерживается практическое сотрудничество неправительственных сторон в межфорумный период. Усиливается информационно-аналитическая работа с привлечением интеллектуального потенциала ведущих научно-исследовательских центров и институтов стран-участниц.

Заключение

Таким образом, использование инструментов сетевой дипломатии Российской Федерации в Африке позволяет решить целый комплекс задач как стратегического характера, так и более практических, узкоспециализированных. Возрастающее сотрудничество России и африканских государств в таких сетевых институтах, как БРИКС и «Группа двадцати», направлено на достижение одной из ключевых целей отечественной внешней политики — укрепление основ формирующегося многополярного мира. Африканский регион, в свою очередь, может использовать данные площадки для усиления своих позиций в мировой политике, заручившись поддержкой России в выработке подходов по реформированию архитектуры глобального управления за счет повышения репрезентативности в структурах системы ООН (прежде всего Совете Безопасности) и мировых валютно-финансовых институтах.

Одновременно с этим сетевая дипломатия России в Африке играет роль подспорья политического трека, все активнее развивающегося на двустороннем и многостороннем уровне. Выстраивание связей с отдельными африканскими странами «снизу», т.е. с привлечением потенциала неправительственных сторон, обеспечивает решение проблемы недостаточной представленности России в некоторых субрегионах континента. Для самих же африканских стран такие площадки, как экономический и гуманитарный форум «Россия — Африка», помогают преодолеть трудности, связанные с нехваткой опыта и собственных ресурсов стран путем участия в сотрудничестве с Россией на правах государств — членов ведущих интеграционных объединений и региональных организаций континента. При этом важно отметить, что экономический и гуманитарный трек развивается как продолжение трека политического — сотрудничество бизнеса, гражданского общества и научного сообщества происходит при четкой координации с национальными правительствами. Главная задача заключается в повышении уровня практической реализации стратегических приоритетов сотрудничества России и Африки в соответствии с решениями, принятыми на политическом уровне.

Учитывая гибкость и практикоориентированность форматов сетевой дипломатии, целесообразным представлялось бы усилить российскую дипломатию в Африке посредством учреждения и развития форматов, создаваемых для решения конкретной прикладной задачи. Это могут быть рабочие группы, объединяющие правительственных и неправительственных экспертов, которые сосредоточены на разрешении социально-экономических проблем континента (именно они

находятся в центре внимания большинства исследователей-политологов и политических деятелей), противодействию новым вызовам и угрозам, прежде всего, терроризму, наркотрафику, пиратству и угрозам в сфере использования ИКТ (поскольку эти проблемы обозначены в качестве главных рисков политической стабильности и безопасности африканского региона в итоговых документах политических саммитов «Россия — Африка» 2019 и 2023 гг.).

Наконец, весомый вклад в укреплении безопасности могло бы сыграть учреждение различных форматов по урегулированию военно-политических кризисов. Россия в подобных форматах играла бы роль посредника в поиске компромиссов и содействовала бы выработке решений в рамках политического урегулирования по аналогии с тем, как это было в рамках «ближневосточного квартета», Астанинского формата по Сирии и других аналогичных площадок. Для африканских государств такие форматы были бы особенно привлекательными в связи с тем, что при их создании Россия неизменно придерживается принципа обеспечения принятия финального политического решения непосредственно сторонами конфликта, что подтверждает выдвинутая в КВП 2023 г. формула «Африканским проблемам — африканское решение».

Поступила в редакцию / Received: 19.05.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 11.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2025

Библиографический список

- Бурганова И.Н.* Феномен сетевой дипломатии в системе международных отношений (на примере Российской Федерации) // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 6–1 (48). С. 120–123. <http://doi.org/10.18454/IRJ.2016.48.080>. EDN: WAYQVB.
- Воронцова Н.А.* Создание сетевых альянсов Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями // *Московский журнал международного права*. 2017. № 2 (106). С. 136–143. EDN: ZMQBKZ.
- Колосова И.В.* Лабиринты «сетевой дипломатии» // *Проблемы постсоветского пространства*. 2014. № 2. С. 173–180. EDN: TZIAOX.
- Кунина И.А.* Сетевой аспект многосторонней дипломатии // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 9. С. 392–409. <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-392-409>. EDN: TXHWNH.
- Лагутина М.Л.* Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС // *Journal of International Analytics*. 2022. Т. 13. № 1. С. 66–82. <http://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-1-66-82>. EDN: NHGEQL.
- Лебедева О.В. Морозов В.М. Шебалина Е.О.* Network Diplomacy: Theory // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. Т. 10. № 11 (85). <http://doi.org/10.18254/S207987840008084-1>. EDN: ETFRWB.
- Россия в Африке. От новых сфер сотрудничества к новому имиджу / под ред. И.Д. Лошкарёва. Москва : Аспект Пресс, 2024. 224 с.
- Столков Д.С.* Новые тенденции в российской дипломатии после 24 февраля 2022 г. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2024. Т. 17. № 1. С. 27–42. <http://doi.org/10.21638/spbu06.2024.102>. EDN: EJBYNL.

- Шубин В.Г. ЮАР в БРИКС: последняя по очереди, но не по важности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 2. С. 171–183. <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2015-02-229>. EDN: UDJYNP.
- Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford : Wiley-Blackwell. 2009.
- Cooper Ramo J. *The Seventh Sense: Power, Fortune, and Survival in the Age of Networks*. New York : Little, Brown and Company. 2016.
- Hajnal P. *The G20: Evolution, Interrelationships, Documentation*. Farnham : Ashgate. International Peace Institute. 2014. <http://doi.org/10.4324/9781351266802>.
- Harbeson J.W., Rothchild D.S. (ed.). *Africa in world politics*. Boulder, CO : Westview Press, 1991. <http://doi.org/10.4324/9781003198130>.
- Haug S., Braveboy-Wagner J., Maihold G. The ‘Global South’ in the study of world politics: Examining a meta category // *Third World Quarterly*. 2021. Vol. 42. No. 9. P. 1923–1944. <http://doi.org/10.1080/01436597.2021.194883>.
- Pellerin H. Network Diplomacy: A New Paradigm for Global Governance? // *Global Governance*. 2010. Vol. 18. No. 1. P. 121–139. <http://doi.org/10.4324/9780203793251>.
- Keohane R. Nye J. *Power and Interdependence* // Glenview, Ill : Scott, Foresman. 1989.
- Manulak M. Why and How to Succeed at Network Diplomacy // *The Washington Quarterly*. 2019. No. 42. P. 171–181. <http://doi.org/10.1080/0163660X.2019.1593668>.
- Martin G. *Africa in world politics: a Pan-African perspective*. Africa World Press, 2002.
- Metzl J. Network Diplomacy // *Carnegie Georgetown Journal of International Affairs*. Winter / Spring. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 77–87.
- Nachum L. et al. Africa rising: Opportunities for advancing theory on people, institutions, and the nation state in international business // *Journal of International Business Studies*. 2023. Vol. 54. P. 938–955 <http://doi.org/10.1057/s41267-022-00581-z>.
- Putnam R. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // *International Organization*. 1988. Vol. 42. No. 3. P. 427–460.
- Slaughter A-M. *The Chessboard and the Web: Strategies of Connection in a Networked World*. New Haven, 2017. <http://doi.org/10.12987/9780300228168>.
- Zaharna R.S. The Network Paradigm of Strategic Public Diplomacy // *Foreign Policy in Focus*. 2005. Vol. 10. No. 1. P. 1–4.

References

- Burganova, I.N. (2016). Phenomenon of network diplomacy in the system of international relations (on the example of the Russian Federation). *International Research Journal*, 6–1 (48), 120–123. (In Russian). <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.48.080>; EDN: WAYQVB.
- Castells, M. (2009). *The rise of the network society*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Cooper Ramo, J. (2016). *The seventh Sense: Power, fortune, and survival in the age of networks*. New York: Little, Brown and Company.
- Hajnal, P. (2014). *The G20: Evolution, interrelationships, documentation*. Farnham: Ashgate. International Peace Institute. <https://doi.org/10.4324/9781351266802>
- Harbeson, J.W., & Rothchild, D.S. (Eds.). (1991). *Africa in world politics*. Boulder, CO: Westview Press. <https://doi.org/10.4324/9781003198130>
- Haug, S., Braveboy-Wagner, J., Maihold, G. (2021). The ‘Global South’ in the study of world politics: Examining a meta category. *Third World Quarterly*, 42(9), 1923–1944. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.194883>
- Keohane, R., & Nye, J. (2011). *Power and interdependence*. Pearson; 4th edition.
- Kolosova, I.V. (2014). Labyrinths of “network diplomacy”. *Problems of the Post-Soviet Space*, 2, 173–180. (In Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-392-409>
- Kunina, I.A. (2022). Network aspect of multilateral diplomacy. *Scientific dialogue*. Vol. 11. (9), 392–409. (In Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-392-409>

- Lagutina, M.L. (2022). Regional dimension of BRICS cooperation. *Journal of International Analytics*, 13(1), 66–82. (In Russian) <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-1-66-82>; EDN: NHGEQL.
- Lebedeva, O.V., Morozov, V.M., & Shebalina, E.O. (2019). Network diplomacy: Theory. *Electronic Scientific and Educational Journal "History"*, 11(85), (In Russian). <https://doi.org/10.18254/S207987840008084-1>; EDN: ETFRWB.
- Loshkarev, I.D. (Ed.) (2024). *Russia in Africa. From a new sphere of cooperation to a new image*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).
- Manulak, M. (2019). Why and how to succeed at network diplomacy. *The Washington Quarterly*, 42, 171–181. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2019.1593668>
- Martin, G. (2002). *Africa in world politics: A Pan-African perspective*. Africa World Press.
- Metzl, J. (2001). Network diplomacy. *Carnegie Georgetown Journal of International Affairs*, 2(1), 77–87.
- Nachum, L. et al. (2023). Africa rising: Opportunities for advancing theory on people, institutions, and the nation state in international business. *Journal of International Business Studies*, 54, 938–955 <https://doi.org/10.1057/s41267-022-00581-z>
- Pellerin, H. (2010). Network diplomacy: A new paradigm for global governance? *Global Governance*, 18, (1), 121–139. <https://doi.org/10.4324/9780203793251>
- Putnam, R. (1998). Diplomacy and domestic politics: The logic of two-level games. *International Organization*, 42(3), 427–460.
- Shubin, V.G. (2015). South Africa in BRICS: Last but not least. *International Organizations Research Journal*, 2, 171–183. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2015-02-229>. EDN: UDJYNP.
- Slaughter, A.-M. (2017). *The chessboard and the web: Strategies of connection in a networked world*. New Haven. <https://doi.org/10.12987/9780300228168>
- Stolkov, D.S. (2024). New trends in Russian diplomacy after February 24, 2022. *Bulletin of St. Petersburg University. International relations*, 17(1), 27–42. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.102>. EDN: EJBYNL.
- Vorontsova, N.A. (2017). Creation of network alliances of the Russian Federation with foreign states and international organizations. *Moscow Journal of International Law*, 2(106), 136–143. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-106-2-136-143>; EDN: ZMQBKZ.
- Zaharna, R.S. (2005). The network paradigm of strategic public diplomacy. *Foreign Policy in Focus*, 10(1), 1–4.

Сведения об авторе:

Булва Валерия Игоревна — кандидат исторических наук, сотрудник, Министерство иностранных дел Российской Федерации (e-mail: va.i.bulva@my.mgimo.ru) (ORCID: 0000-0003-0378-363X)

About the author:

Valeriia I. Bulva — PhD (History), employee, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (e-mail: va.i.bulva@my.mgimo.ru) (ORCID: 0000-0003-0378-363X)